

намъ отрицательные типы женщинъ въ „Крецеровой со-
натѣ“, во „Власти тьмы“, въ разсужденіи солдата Митрича. Да
и въ романахъ Толстого женщины изображены скорѣе со
стороны физиологической красоты; нравственный міръ ихъ
ничтоженъ. Отъ полового общенія съ ними лучше-бы воздер-
жаться. Женщина причина многихъ нашихъ слабостей, грѣховъ и преступленій. Точка зрѣнія на женщину сильно от-
ражаетъ византійскіе предразсудки „доброй“ старины. Жен-
щину Толстой признаетъ только, какъ мать и помощницу
мужа. Она должна проникаться его взглядами, жить его ин-
тересами. Толстой крайне недоволенъ былъ Чеховымъ, кото-
рый высмѣялъ въ „Душечкѣ“ несамостоятельность женщины,
трижды вышедшей замужъ и всегда смотрѣвшей на всѣ во-
просы жизни глазами своего нового супруга. Такой именно
и должна быть женщина по мнѣнію Толстого.

Занятія философией продолжаютъ привлекать Толстого.
Восемнадцати лѣтъ онъ уже опредѣляетъ философию, какъ
науку жизни.

Изъ сказанного ясно, что всѣ элементы будущаго Толстого
мыслителя были уже на лицо въ 17—20-лѣтнемъ юношѣ.

III.

Наступавшее десятилѣтіе жизни Толстого было самымъ
бурнымъ для него періодомъ, временемъ исканій, порывовъ,
кутежей, военной службы, подвиговъ и тщеславія, первыхъ
литературныхъ успѣховъ и литературныхъ распрай, поездокъ
заграницу и первыхъ впечатлѣній отъ западной цивилизациі,
общественныхъ и педагогическихъ начинаній и разочарованій.
Но и въ это бурное и обильное впечатлѣніями время, о ко-
торомъ съ преувеличениемъ отвращеніемъ вспоминаетъ Тол-
стой въ „Исповѣди“ — развивались все тѣ-же исконныя чер-
ты — религіозно-моралистического исканія. Толстой былъ все
тотъ-же, вѣрный себѣ во всѣхъ своихъ порывахъ, исканіяхъ,
противорѣчіяхъ, увлеченіяхъ.

Сначала Толстой увлекается барской филантропіей.
Нечего, конечно, говорить, что 19-ти лѣтній благотворитель
только все путаетъ и мѣшаетъ мужикамъ. Не безъ доли само-
бичеванія изображаетъ онъ всѣ свои наивные опыты и неудачи
по части облагодѣтельствованія крестьянъ въ разсказѣ „Утро
помѣщика“. Начинаются кутежи, разгуль, не переходившія
однако границъ обычнаго кипѣнія юношеской крови. Толстой,
конечно, преувеличиваетъ въ „Исповѣди“ свою грѣховность. Но
и тогда въ разгарѣ кутежей и разгула, нашедшихъ отчасти
отраженіе въ „Запискахъ маркера“, Толстой не перестаетъ
томиться мучительнымъ сознаніемъ пустоты жизни.

Въ 1851-мъ году Толстой, послѣ одного проигрыша въ
карты, переѣзжаетъ на Кавказъ. Край могучей красоты ока-